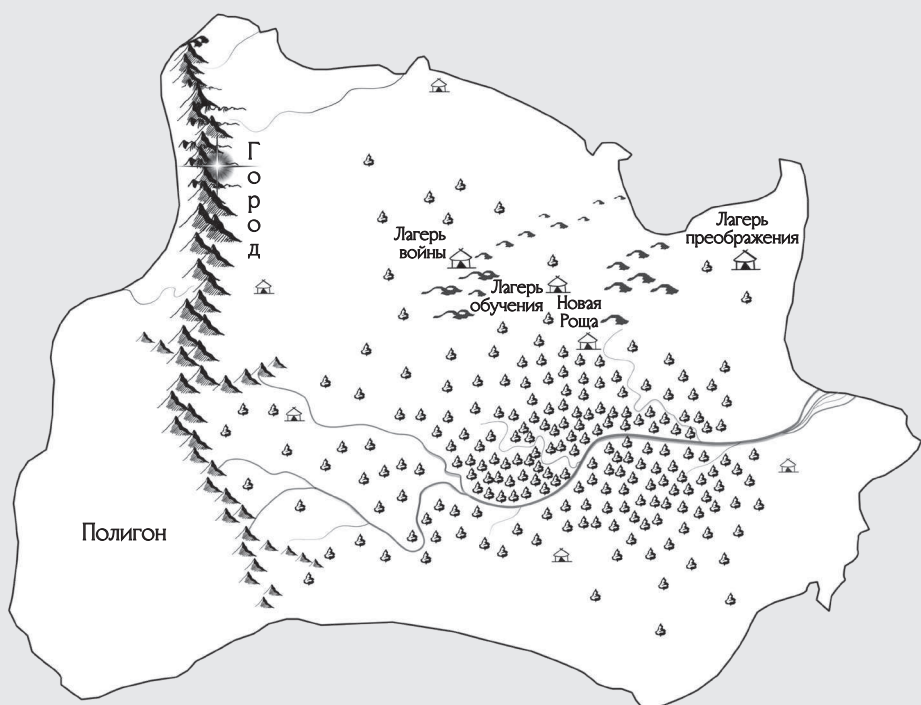

ЗЕМЛЯ ЗВЕЗД

после преобразования

Влада Медведникова

ДЕТИ ВОИНЫ

Цикл «Песни звезд»

Книга II

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
М42

ДЕТИ ВОЙНЫ
Влада Медведникова

Книга издана с согласия автора

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Медведникова, Влада.

М42 Дети войны : [роман] / Влада Медведникова. — Москва : Popcorn Books, 2023. — 320 с. — (Песни звезд).

ISBN 978-5-6048365-7-6

Военное время кончилось, и для темного народа наступила долгожданная эпоха преображения. Но как тем, кто жил ради сражений и победы, найти свое место в меняющемся мире? Мельтиар — бывший предводитель армии; Бета — простой воин, младшая звезда. Они растеряны и страдают от тяжелых потерь. Но вскоре они узнают о древнем пророчестве, которое гласит, что после войны темному народу суждено отправиться в далекий путь. А значит, для предвестников Мельтиара найдутся новые задания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6048365-7-6

© Влада Медведникова, 2015
© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023
Cover art by © Ashley Mackenzie, 2023

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1

Мое время кончилось.

Утренний ветер гонит его к западу, оно тает вместе со звездами, с ночной темнотой. Скоро даже памяти о нем не останется. В каждом вдохе — рассвет, голос нового дня.

Мое время кончилось, но я жив.

Я смотрю на горы. Черная стена, иссеченная перевалами, поднимается к небу, зовет меня и помнит. Там мой дом, я прожил в нем всю жизнь, но не могу вернуться.

Я не слышу моря, но знаю — оно рядом. Отголоски шторма налетают ветром, путают волосы, остаются на губах вкусом пыли и вереска. Пыль и вереск повсюду, равнина колышется серебристыми волнами, и насколько хватает глаз — нет никого. Я наедине с беспомощностью и утром.

Мои мысли исчезают, как звезды, я не могу удержать их. Лишь пять голосов, сплетенных неразрывно, звучат снова и снова.

Они говорят: «Мы прощаем тебя».

Они гремят в жарком сплетении темноты, их сияние оглушает. Я хочу ответить, хочу понять — но тону, гасну, рассвет уносит меня.

Пыль, вереск и небо — и больше ничего.

2

Я поняла, что сплю, когда Тарси позвала меня. Ее голос, как всегда отчетливый и ясный, прозвучал громче выстрелов и взрывов. Отдалились запахи пороха и гари, враги распались на клочья дыма, земля стала полупрозрачной.

Бета, зайди ко мне.

Еще не в силах разлепить глаза, я отбросила одеяло, поспешно нашарила одежду. Я должна торопиться — старшая звезда зовет меня. Наверное, нас перебрасывают на другой фронт, или сейчас начнется атака, или...

В воздухе был привкус электричества, издалека доносился тихий стук металла, движение лопастей. Я открыла глаза.

Комната младших звезд. Это место я всегда называла домом, но последние годы бывала здесь редко. Высокие стены, двухъярусные откидные кровати, белые светильники, ширма, отделяющая уголок нашей команды.

Я мотнула головой, отбросила остатки сна.

Война закончилась, мы победили. Эджаль, в котором мы скрывались и ждали призыва к битве, — уничтожен.

Атанг, главный оплот врагов, — уничтожен. Разрушены крепости всадников, ни одного захватчика не осталось в мире. Мельтиар собрал на побережье тысячи своих предвестников, всех нас, и сказал: «Это ваша победа». Война закончилась.

Мне нужно торопиться — ведь моя старшая звезда, Тарси, зовет меня. Но сражения сегодня не будет. Война позади.

В комнате было тихо и пусто — никого, только я. И душа казалась пустой — наверное, потому, что, пока нас не было в городе, на него обрушилась беда. Невозможно поверить в то, что случилось, но я знала — все правда. И от этого вкус триумфа потускнел, остался там, на побережье, среди восторга и криков. Я могла лишь повторять: «Война закончилась», — а ощутить этого больше не получалось.

Вчера ночью мы сидели втроем: я, Кори и Коул. Мы пили за победу, но вино было слишком легким и сладким, а печаль, пронзавшая город, — слишком тяжелой. Кори сказал: «Меня могут перевести из армии». Он плакал, когда говорил это, и был так уверен в своих словах. Но мы все от рождения служили войне, что еще мы можем делать?

Наш город и весь наш народ поделен на восемнадцать секторов, у каждого — свой цвет и своя задача. С раннего детства мы с Коулом и Кори учились сражаться. Мы не умеем читать будущее по зеркалам, как пророки, или чинить механизмы, как звезды технического сектора. Наше место в армии, зачем нас переводить куда-то?

А сейчас в комнате не было ни Коула, ни Кори.

Я зажмурилась, чтобы не расплакаться, и сказала себе: они просто встали раньше, они уже у Тарси, я встречу их там.

Всю войну я прошла в одежде скрытых, в военной форме врагов. Но теперь настало наше время: я могу ходить в черном, как полагается предвестникам Мельтиара.

Я вытащила из-под кровати ящик, натянула черные штаны и майку. Но куртку не нашла, а за новой идти было некогда — и я надела светлую куртку врагов. Война оставила на ней следы, и черная повязка на рукаве обтрепалась. Поговорю с Тарси, а потом сразу переоденусь.

Отброшу последнюю вещь из скрытой жизни.

— Ваша команда расформирована, — сказала Тарси. — Коула и Кори перевели.

Сказала это спокойно, словно давала простые указания. Нашей команды больше нет, но для Тарси ничего не изменилось, она осталась прежней: уверенный взгляд и ровный голос, волнистая прядь волос падает на воротник, электрический свет отражается в черных пуговицах. И комната совещаний такая же, как была до войны: темный экран, скамьи вдоль стен, огни на сигнальной панели. Почему все как раньше, если нас разлучили?

Я всегда считала, что команда — это на всю жизнь. Самые близкие люди, они всегда рядом, что бы ни случилось. Как можно жить без команды? Где Коул и Кори сейчас? Когда я смогу их увидеть?

Почему их перевели без меня?

— Куда их назначили? — спросила я.

— Все сообщат позже, — ответила Тарси. — Пока что отдыхай.

Эти слова прозвучали как приказ. Я кивнула и вышла в коридор.

Прошла несколько шагов и остановилась.

Куда мне идти? Я хорошо знала эту часть города, но будто бы потерялась. Стояла и сжимала ремень ружья — его тяжесть давила на плечо, тянула вниз, успокаивала. Хорошо, что хотя бы оружие осталось со мной. Мимо шли люди, разговаривали и смеялись, каждый знал свою

дорогу, у всех была цель. Но не у меня — куда мне идти, зачем?

Я даже не успела попрощаться, когда я теперь их увижу?

— Бета? Что случилось?

Я обернулась на голос.

Вэлти остановился рядом, осторожно взял меня за плечо — словно боялся, что я вырвусь и уйду, не ответив. Наклонился ко мне, смотрел встревоженно, и я не смогла промолчать.

— Коула и Кори перевели, — сказала я. — А я даже не знаю, куда.

Вэлти тяжело вздохнул — моя боль коснулась его, проникла в душу. Я видела: он ищет слова, думает, как меня подбодрить.

Вэлти — хороший человек, и мы очень давно знакомы, даже были вместе одно время, правда, недолго. Мы в чем-то похожи: у него такие же светлые волосы, как у меня, и он тоже предпочитает тяжелые ружья. Но я была скрытой, а он — стрелком города, и в его команде семь человек, а не трое.

— Наверное, перевели в сектор преобразования, к Аянару, — сказал он. — Сейчас многих перевели к нему.

Я не могла представить Коула и Кори предвестниками Аянара. Как они будут преобразовывать мир? Нас не учили этому, мы готовились только к войне.

— От вас никого не забрали? — спросила я у Вэлти.

Он покачал головой.

— Все на месте, и машина тоже. Полетишь с нами? Просто так, посмотреть на мир.

Посмотреть на мир, в котором больше нет захватчиков. Может быть, я снова смогу ощутить победу.

Я улыбнулась и сказала:

— Конечно.

Я сидела напротив Вэлти, возле двери, и смотрела, как борта светлеют, становятся прозрачными. Машина поднималась все выше, разворачивалась над горами. Их черные склоны вонзались в землю, а у подножий серебрилась равнина, холмами спускалась к берегу моря. Оно пенилось бурей, неслышное и нестрашное с высоты.

Кто-то протянул мне бутылку, но я смогла сделать лишь глоток. Сладкий вкус вина был вкусом прошлой ночи, когда мы все еще надеялись, что если нас переведут — то всех вместе. Может быть, хотя бы Коула и Кори не разделили? А меня не взяли, потому что я ничего не умею, могу только стрелять.

— Эй, не грусти, — сказал воин, сидевший рядом. — Хочешь, слетаем туда, где ты была скрытой? Какой это город, Нарар?

— Эджаль, — ответила я.

Машина теперь снижалась, шла по широкой дуге, и я смотрела, как приближается земля. Пустая дорога петляла среди серых холмов, словно лента, брошенная в песок, вдалеке виднелись домики, крохотные, почти бесцветные. Там раньше жили враги, они бежали, а деревня осталась как память о неволе.

Скоро все изменится. Исчезнут все следы врагов: дороги, дома и поля. Сама земля станет другой. Но сейчас жилища захватчиков еще стоят, хоть их самих больше нет, — может, если я войду в это заброшенное селение, то снова смогу ощутить триумф?

— Я не хочу в Эджаль, — сказала я. — Высадите меня, похожу тут одна.

— Тут? — Вэлти нахмурился, качнул головой. — Но тут ничего нет.

— Высадите меня, — повторила я.

Мне было стыдно, что я говорю так упрямо, что не пью и не радуюсь вместе со всеми. Но я ничего не могла поде-

лать. Я расстроюсь еще сильнее, если полечу дальше в этой машине. Мне нужно выйти, нужно побыть одной.

Пилот обернулся, сочувственно улыбнулся мне — и машина устремилась вниз, зависла у самой земли. Борт медленно раскрылся. Я встала, крепче затянула перевязь ружья.

— Когда нам за тобой вернуться? — спросил Вэлти.

— Не возвращайтесь, — сказала я. — Сама дойду до города. Встретимся там.

Я спрыгнула на землю и, заслонившись рукой, смотрела, как машина набирает высоту, превращается в черную искру, исчезает в небе. Порыв ветра унес запах разогретых двигателей, остались лишь ароматы трав и привкус пыли.

Привычная тяжесть оружия вернула мне уверенность, и я поудобнее перехватила ремень, пошла вперед. В сторону моря, к деревне врагов.

Я не знала, сколько придется идти, — отсюда не видно было ни домов, ни берега, лишь пыльные холмы, ковыль и вереск. И горы — черная стена, знакомый ориентир, дом.

Запах вереска дурманил, заставлял дышать глубже. Было ли так до войны? Эта равнина всегда казалась мне бесплодной, бесцветной. Разве раньше ветер качал здесь серебристые волны соцветий, разве ощущалась сила в земле, все сильнее, все полней с каждым шагом? Мир изменился, это правда. Он меняется каждое мгновение.

Вереск зашелестел под порывом ветра, прильнул к земле — и я увидела впереди черный росчерк. Волны травы колыхнулись вновь, разошлись, и стало ясно — там человек. Лежит на земле, один.

Война кончилась, но беда может настичь и в мирное время. Я должна помочь.

Я подбежала, наклонилась — и узнала его.

Он смотрел в небо, глаза едва заметно двигались, словно он следил за облаками. Волосы разметались среди раздавленных стеблей и цветов, их запахи оглушали.

Но еще оглушительней были потоки его силы. Они грохотали, пронизанные тоской, — я чувствовала это, даже не прикасаясь.

Я позвала его:

— Мельтиар?

Он не ответил.

Я знала, что не должна его тревожить, должна уйти. Он — мой лидер, а я — самая младшая звезда, видевшая его всего несколько раз в жизни, издавека. Раз он здесь, значит, так нужно, я не должна его беспокоить.

Только с ним что-то случилось, ему плохо — иначе почему он тут, один? Он победил и должен сейчас праздновать. Но горе, обрушившееся на город, полоснуло Мельтиара сильнее других, ему нужна помощь, это ясно. Я сообщу, и сюда прилетят те, кто знает, что делать.

Тарси! — позвала я. Но мысль растворилась, не дотянувшись до моей старшей звезды. Я позвала снова — и опять слова не нашли путь. Словно связь между нами исчезла.

Что-то случилось, но я не могла сейчас об этом думать.

— Мельтиар, — сказала я и коснулась его.

Он сжал мою ладонь и взглянул на меня. Его рука была горячее, словно в жилах текло пламя. Он смотрел на меня, но как будто не видел.

— Пойдешь со мной? — спросил он.

Я кивнула:

— Да.

Он встал, не выпуская мою ладонь, запрокинул голову, глядя в небо. Он был таким высоким — я не доставала ему до плеча. Его длинные волосы спутались, пахли вельеском.

Что мне делать? Машина Вэлти не прилетит сюда, я сказала им не возвращаться за мной. До города идти далеко. Но рядом покинутая деревня врагов, нужно отвести Мельтиара туда. Может быть, Тарси услышит меня или просто появится кто-то. Или Мельтиару станет лучше, он придет в себя.

— Не бойся меня, — внезапно сказал он.

Встретился взглядом со мной, и почудилось — теперь он меня видит.

— Я не боюсь, — ответила я.

— И за меня тоже не бойся. — Он взмахнул рукой, указал на небо. — Такой яркий свет, я пройду сквозь него. Мы встретимся с той стороны.

Я видела людей, сломленных войной и потерями, заблудившихся среди видений и боли. Но как могло с Мельтиаром случиться такое?

Не отпуская его руки, я направилась вперед, к деревне, спрятавшейся за горизонтом, — и Мельтиар пошел следом за мной.

— Тебе скажут, — проговорил он, — что ничего не выйдет. Но не слушай. Мы должны сражаться. Я отброшу их. Уничтожу их.

— Ты уже их уничтожил! — возразила я. — Мы победили.

— Я уничтожу их, — повторил он, глядя в небо, а потом снова спросил: — Ты пойдешь со мной?

— Да, — сказала я.

Я шла с ним, через вереск и пыльное бездорожье, и вокруг не было ни души, словно весь мир опустел.

3

Я слышу свой голос, понимаю слова, но смысла в них нет. Они доносятся с края земли, реальность расплывается пятнами, яркими и тусклыми. Я далеко, среди невидимых звезд, в холодной бездне.

— Есть пять миров, — говорит мой голос, — и мы к юго-западу от сердца льда. И если отправиться в путь, если переплыть море...

Эти слова так бессмысленны, что я замолкаю. Явь проступает вокруг меня, очертания становятся ясными, предметы обретают плотность и вес.

Закатный свет падает на деревянную поверхность стола, окрашивает его золотисто-алым, касается моей ладони. Мои пальцы сжимают чью-то руку: тонкую, но сильную, загорелую. Чужая тревога дрожит и звенит в моей ладони, вливается в душу, стремится к сердцу.

Я поднимаю взгляд и вижу девушку. Вечернее солнце в светлых прядях волос, глаза темные и теплые, ищущие. Печаль таится в них, но не может вырваться наружу. Эта девушка сильная, как любой воин. Она сидит за столом на-

против меня, ее рука в моей руке, а рядом лежит оружие: черные стволы, металл, пропитанный магией и памятью о войне.

Девушка ловит мой взгляд и словно светлеет. Тревога в ее крови на миг вспыхивает ярче и тает, сменяется радостью, живой и прозрачной. Будто появился путеводный луч, больше не нужно блуждать во тьме.

Так и есть, ведь она — мой предвестник.

— Кто ты, предвестник? — спрашиваю я.

— Тебе лучше! — Ее голос такой же теплый, как взгляд. Она спохватывается, добавляет поспешно: — Я Бета. Тарси-Бета.

Бета — «маленькая звезда». Это значит, ее звезда еще не зажглась на небе или ее имя еще неизвестно. Просто — маленькая звезда. Золотая, как солнечный свет. Перед ее именем — имя куратора, чтобы отличить ее от других маленьких звезд.

Но все они разные, и ее невозможно ни с кем спутать.

Мысль привычно скользнула, стремясь коснуться моих предвестников, всех их, каждого, — и замерла.

Бете нельзя быть тут, нельзя говорить со мной. Никому нельзя.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я. — Приговор отменили?

— Приговор? — повторяет Бета и хмурится чуть заметно.

Что мой голос говорил ей, пока сам я блуждал за краем мира? Она смотрит на меня внимательно, беспокойство вновь искрится в ее пальцах.

Я пытаюсь вспомнить приговор дословно, хочу повторить его вслух. Но память, словно ветер в железных лопастях, разбивается на сотни потоков. Я пытаюсь удержать хоть один, но не могу.

Мое время кончилось, я простился с Арцей, отправился наверх, в чертоги тайны, слушать, что скажут мои старшие звезды. Я был на суде, меня простили, но я осужден. Я не должен приближаться к своим предвестникам, не должен говорить с ними.

Это все, что я помню. Сияющий свет, пять голосов, звучащих вместе, читающих приговор. За что меня судили? Я знаю свою вину, я виноват во многом. Но почему не помню, за что именно они наказали меня?

Я смотрю на Бету. Вечерний свет преломляется в ее зрачках, она крепче сжимает мою руку, ждет. Но мне трудно говорить, и я распахиваю перед Бетой свои мысли, показываю все, что знаю о приговоре.

В ее глазах смятение. Несколько мгновений она молчит, а потом произносит, упрямо и твердо:

— Я ничего не знаю об этом. Тарси мне не приказывала такого, и ты не приказывал. Ты говорил странные вещи весь день, тебя нельзя оставлять одного.

Весь день?

Где мы? Сколько времени прошло с тех пор, как я оставил Арцу?

Я поднимаюсь из-за стола, но не разжимаю пальцы, и Бета встает вместе со мной.

Деревянный пол, низкие стропила, засыпанный золой очаг, остов газового фонаря на окне. Город далеко, мы в доме, где прежде жили враги. Как я оказался здесь, как здесь оказалась она? Пустое жилище, на столе оружие, принесшее нам победу. Моя младшая звезда рядом со мной.

Она смотрит на меня снизу вверх, встревоженно и упрямо, словно повторяет мысленно: «Тебя нельзя оставлять одного». Ее свет такой лучистый, рядом с ней я кажусь себе застывшим осколком. Мои мысли скованы холодом, заледенели, но она хочет отогреть их. Моя душа замерзла,

но сердце раскаляется, я горю. Я наклоняюсь к ней, она отвечает на поцелуй.

Жаркий грохот темноты настигает меня, настигает Бету, мчится сквозь нас.

Я просыпаюсь. Ночь, голоса сверчков, тепло маленькой звезды возле меня, ее дыхание на моем плече говорят мне, где я. Лунный свет падает на постель, серебрит волосы Беты. Они текучие, мягкие, я перебираю их.

Мои движения будят Бету, она открывает глаза.

Сон еще туманит ее зрачки, она смотрит, будто не веря, что я настоящий. Я касаюсь ее губ — *я не снюсь тебе, Бета*, — поднимаюсь с постели и подхожу к окну. Волосы падают мне на лицо — в них запахи вереска, чужого дома и Беты.

Мы на втором этаже, я смотрю из окна. Там, внизу, — деревня-призрак. Дома, дворы и ограды застыли среди лунного света. Ни шагов, ни дальних голосов, ни лая собак. Лишь ветер, качающий калитку, и пение сверчков. Скоро это селение исчезнет. Здесь зажурчат ручьи, поднимется лес или взойдут высокие травы. Мир будет меняться день за днем, пока не воспрянет, не проснется полностью.

Это время преображения.

Я поднимаю взгляд к небу. Луна сияет ярко, но не может затмить одну из самых ярких летних звезд. Уже осень, но она все еще не опустилась к горизонту, словно хочет утешить меня или со мной попрощаться. Амира. Погасла на земле, сияет теперь только в небе.

Ни один приговор не вернет ее. Ни одно наказание не искупит моей вины.

Бета подходит почти неслышно, обнимает меня. Мы стоим, глядя на звезды, и она говорит:

— Может быть, не всех тебе нельзя видеть? Может быть, только тех, кого перевели?

Сны еще дрожат в ее голосе и на кончиках пальцев, ее пробуждение зыбко. И сквозь тревогу за меня, сквозь решимость и смелость я слышу печаль — глубокую и темную, как морская вода.

Я сжимаю плечо Беты, спрашиваю:

— Что случилось с тобой?

Она молчит, но потом поднимает глаза, говорит совсем тихо:

— Мою команду... перевели. Всех, кроме меня.

Она одна.

Я обнимаю ее крепче, прижимаю к груди. Она одна. Струны ее души разорваны, команда разбита. Она тревожится обо мне, но со мной ничего не случится. И я могу помочь ей, пусть и немного.

Сила, живущая в моем сердце, в потоках темноты, в звуках флейты, в движении магии и биении крови, — устремляется вперед, касается Беты, наполняет ее душу. Хотя бы в этом я могу помочь.

— Я с тобой, — говорю я Бете.

Я хочу сказать это всем, кто ждет меня. Рэгилю, блуждающему сейчас среди видений. Арце, умолявшей взять ее с собой. Моя мысль рвется к ним — но говорить с ними мне нельзя. Я хочу сказать это Амуре — но она так далеко, в небесной вышине.

— Я с тобой, — вновь говорю я Бете.

Она отвечает шепотом, чуть слышно. Ее слова тают на моих губах. Я чувствую, как печаль уходит в глубину ее души, а сердце становится горящим и легким. Мы пылаем вместе, небо смотрит на нас.

4

Колодезная вода была ледяной и чистой, от нее немело горло, а дыхание становилось прерывистым и колким. На кухне я нашла корзину, полную яблок — их вкус напомнил мне о последних днях в Эджале. Там возле моего дома росла яблоня, ее ветви клонились так низко, что я могла без труда срывать плоды. «Урожайный год», — говорили перед войной. Совсем недавно, всего пару недель назад.

От прошлого остались лишь призраки. Призрачная деревяня врагов: припасы не тронуты, одежда лежит в сундуках и шкафах, а слой пыли на столах и полках такой тонкий, что можно не заметить. Враги бежали поспешно, почти ничего не взяли с собой. Я вслушивалась, пытаюсь уловить отголоски их жизни, но все было тихо. Словно даже память о захватчиках умчалась прочь, и остались только мы.

Мельтиар сидел на краю стола, пытался расчесать свои волосы. Деревянная расческа — я нашла ее наверху, в шкапулке возле кровати — скользила сквозь длинные темные пряди, распутывала их, одну за одной. Я ждала, пока

он заговорит, ждала долго. Его волосы уже легли ровным потоком, гребень проходил сквозь них без препятствий — а Мельтиар все молчал.

Тогда я спросила:

— Ты не вспомнил, за что тебя судили?

Он покачал головой, сказал:

— Помню только приговор.

Он смотрел на меня, и я потерялась в его взгляде. Это был Мельтиар — тот, чья мысль и чей голос звали нас в бой; это был Мельтиар, чья душа блуждала вчера в забвенье. Тот, кто спросил, пойду ли я с ним.

Я ощутила нарастающий звон — то ли боль, то ли счастье — в самой глубине сердца, где моя жизнь сплеталась с душой Мельтиара.

И чтобы чувствовать то, что чувствует он, чтобы просто быть к нему еще ближе, я дотронулась до его руки.

— Ты не представляешь, каким я нашла тебя, — сказала я. — Ты говорил такие странные вещи. Может быть, этот приговор... может быть, его не было.

Он подхватил мою ладонь, провел пальцами по линиям жизни. Я ждала, вслушивалась в его чувства, — они стали сейчас озером, бездонным и темным.

— Легко проверить, — сказал он наконец. — Подойдем поближе к городу, там много моих звезд. — Он замолк, словно налетев на невидимую стену. Но потом закрыл глаза и договорил: — Если я ошибся, если приговора не было, мы пойдем это сразу.

Я знала о темноте. Знала, что Мельтиару не нужно оружие: с ним всегда сила, хранящая магию, готовая вырваться искрящимися темными волнами. В этой темноте каждый может увидеть свое отражение, там таятся способности старших и младших звезд, там песни магов из Роци.

Но моих способностей там нет, потому что я лишена магического дара.

Про темноту нам рассказали очень давно — мы жили тогда в городе и только готовились стать скрытыми, отправиться к врагам, — но до войны я не видела ее ни разу. Да и потом — только один раз в бою, далеко, у самого горизонта. Черная вспышка ослепила, заставила сердце запеть — и исчезла.

Сейчас темнота искрилась на пальцах Мельтиара. Я не могла отвести глаз, следила, как она набирает силу: едва различимые черные росчерки свиваются в потоки, движутся все быстрее, сияют все ярче. Никогда прежде я не видела, чтобы свет был черным.

Беззвучный голос Мельтиара полыхнул среди моих мыслей — такой же черный, такой же яркий:

Страшно?

— Нет, — ответила я и взяла Мельтиара за руку.

Темнота обрушилась на меня как смерч, как черное пламя. Я больше не видела искр и потоков, темнота была повсюду. Сияла, мчалась яростно и быстро — мое сердце не успевало за ней, мысли не успевали. Сгорю навсегда, исчезну в грохочущем вихре — я чувствовала это и ни о чем не жалела.

Темнота сжала меня крепко и исчезла.

Мельтиар отпустил мою ладонь и заслонился от солнца, взглянул вверх.

Горы были совсем близко. Мы стояли на дороге — верстовые столбы уже исчезли, а пыльная земля успела позабыть скрип колес и стук копыт. Черные скалы поднимались к небу, пики резали синеву. Воздух дрожал от солнечного света, осеннего ветра и силы приближающейся машины — она мчалась к нам с вышины, становилась все больше.

В первый миг я подумала — Вэлти вернулся. Но машина была быстрее и меньше, а рядом с ней парила крылатая звезда.

Она ринулась вниз: крылья сложены, волосы бьются на ветру, ни доспехов, ни шлема. Этот полет был таким знакомым — черная молния, рассекающая небо. Еще миг, и я поняла, кто это, и взглянула на Мельтиара.

Он смотрел в небо, на мчащуюся к нему Арцу.

Тело затопила такая легкость, что мне показалось — если засмеюсь сейчас, то взлечу. Теперь все будет хорошо. Мы вернемся в город, Мельтиару станет лучше, он скажет мне, где Кори и Коул, скажет, что делать дальше, и...

Машина догнала Арцу, стремительная и внезапная, как пуля. Борта разошлись, два крылатых воина выпрыгнули наружу, схватили Арцу, остановили ее полет. Она извернулась в их руках, но не смогла вырваться, крылья ударили по воздуху, отчаянно и быстро.

— Мельтиар! — Ветер рвал голос Арцы, дробил на надежду и боль. — Мельтиар!

Он стоял неподвижно, его чувства стали такими острыми, что резали душу. Он так хотел отозваться и рвануть к Арце, но лишь смотрел на нее. Откуда у него столько сил, как ему удастся молчать?

Машина поймала Арцу и тех, кто держал ее, борта сомкнулись над ними, заглушили крики. Машина помчалась вверх и прочь, ветер ударил в лицо. Черные пики заслонили ее, осталось лишь небо, пустое и ясное.

Мельтиар все еще смотрел ей вслед.

Я тронула его за плечо — боль обожгла меня, на миг лишила дыхания — и сказала:

— Ты был прав.

Он обернулся ко мне.

— Я перенесу тебя ближе к городу. — Он говорил медленно, словно каждое слово давалось с трудом. — К главным воротам. Меня не успеют заметить, а ты будешь почти дома.

— Я не вернусь в город без тебя, — ответила я, глядя ему в глаза.

Вчера, когда я нашла его среди вереска, он спросил: «Пойдешь со мной?» Сейчас он молчал, но вопрос горел в глубине его зрачков и в воздухе между нами. Слова были бессильны, поэтому я обеими руками сжала ладонь Мельтиара, чтобы он ощутил то, что переполняло мое сердце: я никогда не предаю, всегда буду рядом, я не вернусь в город одна.

Наша боль смешалась, но стала светлей и легче — моя уверенность пронизала ее. Мельтиар смотрел на меня, долго, а потом кивнул.

— Куда мы пойдём? — спросила я.

— Туда, где никто не живет, — ответил Мельтиар.

5

Мы идем на юг.

Рассвет плывет за нами следом: прозрачные алые отблески на облаках, дыхание горных вершин в порывах ветра. Бета сжимает перевязь ружья — так крепко, что побелели костяшки пальцев. Я прикасаюсь к темным стволам, и оружие вновь наполняется силой. Оно больше не тянет к земле, и Бета ускоряет шаг.

Мы спускаемся по склону холма, к пыльной равнине, заросшей ковылем. Мне не нужны дороги врагов, пусть остаются в стороне, доживают последние дни. Мой путь теперь лежит через пустоши, безлюдные земли — мой дом.

Проснувшись, я хотел идти к морю. Оно недалеко от заброшенной деревни врагов, я мог бы подняться на черные камни, нависшие над кромкой прибоя. Мог бы слушать бурю, смотреть туда, где волны смыкаются с небом, туда, куда я отправил Лаэнара. Но берег так близко от города, мне тяжело оставаться здесь, боль и без того слишком сильна.

Поэтому за оградой деревни я повернул на юг. Бета пошла за мной, ни о чем не спросив.

Темнота могла бы перенести нас в любое место в мире, но я не знаю, какие места теперь нам дозволены. Мы идем, и я слушаю ветер, восходящее солнце и землю под ногами. Земля говорит о преображении громче всех.

Вчера мы вернулись в деревню и провели там весь день и всю ночь. Бета нашла в темном погребке еду, часть ее мы взяли с собой. «Нужно забрать то, что нам пригодится», — сказала моя маленькая звезда. Я не знал, что она вытащила из сундука и скрипучего шкафа, что сложила в широкую холщовую сумку.

Когда мы вышли из дома, земля звенела, разноцветные потоки сияли в глубине. Еще немного — и сюда придут предвестники Аянара. Деревня исчезнет бесследно: серые дома, ограды, чахлые огороды и сады. Равнина преобразится. Мне хотелось остаться, увидеть своими глазами — но нельзя. Могут прийти мои звезды, мне нельзя приближаться к ним.

Деревня давно позади, скрыта холмами, и море все дальше, отзвуки бури почти не слышны. Утренний туман тает, небо становится прозрачней и выше.

Я касаюсь плеча Беты. Грусть льнет к моей ладони. Грусть тяжелей любой ноши, она давит на Бету.

— Расскажи, — прошу я.

Бета ловит мой взгляд. Ее глаза сейчас темные, солнце не искрится в них.

— Я все утро пытаюсь позвать Тарси, — говорит она. — Но ответа нет. И как будто... мне некого звать. — Бета замолкает. Я обнимаю ее за плечи, ловлю короткие пряди волос. — С ней все в порядке? Ты же можешь понять?

Без просьбы, без зова мое звездное небо раскрывается перед внутренним взором. Оно мерцает, сияет, оно так прекрасно, каждая звезда ранит сердце. Я без труда могу дотянуться, позвать любую из них — но я не должен.

Я нахожу Тарси — искристый переливающийся свет, вижу Бету — теплое мерцание рядом со мной. Но между ними пустота, бескрайняя небесная ночь. Один за другим угасают следы путеводной нити, меркнет звездная пыль. Созвездия качаются вокруг, и я хочу взглядеться, понять, остались ли между ними сияющие струны. Но еще миг, и я не выдержу, заговорю, позову — а я не должен, я осужден.

И звездная россыпь отступает, уходит в глубину моей души. Я снова вижу лишь ковыль, рваные облака и тревожный взгляд Беты.

— Я видел Тарси. — Я обнимаю Бету крепче, замедляю шаг. — Но связь между вами исчезла.

— Но она мой куратор! — Ее голос звенит. — Почему?

Я не знаю ничего о времени преобразования. Я не думал, что застану его. Верил, что оно будет счастливым для всех. Но я жив и не могу заговорить ни с кем, только с Бетой. А она отрезана от своей команды и от старшей звезды. Почему?

Я молчу — пять шагов, десять, двадцать, — а потом говорю:

— Время войны закончилось. Наверное, теперь так нужно.

Солнце минует полдень, и наш путь прерывается.

Для остановки нет причин: я не устал, Бета готова идти дальше. И это место такое же, как вся пустошь вокруг, — высохшая трава шелестит на ветру, ни дерева, ни скалы, в тени которой мы могли бы укрыться. Но зачем прятаться от солнца? Его свет такой теплый — я забываю, что уже осень, — но каждый порыв ветра возвращает прохладу. Напоминает, что лето позади, война позади.

Мы садимся на землю. Бета протягивает мне флягу, тусклый металл в переплетении истертых кожаных ремней. Колодезная вода нагрелась, впитала привкус железа и оло-

ва. Бета развязывает шнур, стягивающий сумку, и я вижу яблоки и хлеб — он крошится, хрустит на зубах. Мы ели такой хлеб в Атанге, его вкус был смешан с дымом горящего города, с жаром сражения, уходящего к горизонту. Первый день битвы, пламя победы.

Наверное, я всю жизнь буду думать о войне, вспоминать каждый ее день и час.

Я был рожден для войны, рожден вернуть нам свободу. Мы победили, и мое время кончилось.

Бета прикасается к моей ладони, заглядывает в глаза встревоженно и пристально. Пытается различить мысли. Я говорю ей:

— Я думал, меня убьют на войне.

— Ты хотел умереть? — Голос Беты звучит тихо. Она смотрит на меня так, словно я ранен.

Я качаю головой. Волосы падают на глаза, закрывают от меня солнце.

— Нет. Но я был уверен, что меня убьют. Пророки не видели мое будущее или не хотели рассказывать о нем. Как будто его не было. — Даже Эркинар, мой лучший друг и глава прорицателей, молчал о том, что меня ждет, и не показывал ни в зеркалах, ни в снах. И со временем я научился не спрашивать. — Я решил, они знают — я умру на войне, но не скажут об этом.

Бета крепче сжимает мою руку. Ее голос почти не дрожит, ее глаза почти сухие.

Не плачь, не плачь, я не стою слез.

— Хорошо, что тебя не убили, — говорит она. — Мы бы...

Она запинается, ее ресницы вздрагивают часто-часто, и я успеваю уловить несказанные слова. «Мы бы не справились без тебя».

— Нам было бы трудно без тебя, — произносит она тихо, но твердо.

Как и все мои предвестники, моя Бета бесстрашна. Никакие препятствия ее не остановят, никакие враги.

Я улыбаюсь, вытягиваюсь среди шепчущей травы, кладу голову на колени Бете. Она отводит пряди волос, упавшие мне на лицо, — в ее прикосновениях сквозит эхо холодной пустоты, тень отчаяния. Должно быть, она представила, что мой свет погас в разгар битвы, мои предвестники остались одни.

— Главное — победа, — говорю я ей. — Мы победили.

Она кивает. Касания ее пальцев становятся спокойнее, сердце бьется тише. Она такая сильная.

Все мои предвестники сильные и яркие — каждый крылатый воин и каждый простой стрелок. И предателей больше нет среди них, нет в нашем мире.

За что меня судили? За то, что я плохо учил Лаэнара и он предал свой народ? За то, что я потерял Лаэнара еще до начала войны? Или за то, что я не убил его после победы?

Я закрываю глаза, снова и снова пытаюсь вспомнить суд — и засыпаю.

* * *

Паруса затмили небо, морской прибой качал корабли, буря грохотала, тучи клубились над головой. Я знал: еще мгновение — и враги ринутся в воздух, их серые крылья и душасящая сила будут повсюду. Я столько раз стоял здесь, столько раз смотрел на паруса, надеялся и верил, что смогу защитить наш берег.

Но сегодня я знал — и это знание гремело, оглушало — все они умерли, все уничтожены, я сжег их дотла. Ни один из них не ступит на мою землю, ни одна звезда не погаснет от их выстрелов. Я победил, передо мной лишь память. Моя судьба свершилась: я исполнил все, что хотел.

* * *

Сон исчезает внезапно, выбрасывает меня в теплый осенний день. Триумф все еще переполняет сердце, оно грохочет, как буря.

Я сажусь, смотрю на Бету — она поспешно вытирает глаза, берет меня за руку. Бета плакала, пока я спал, мне больно видеть ее слезы.

Я не могу сдержаться и отдаю ей шквал, пришедший ко мне из сна. В нем вся моя уверенность, вся сила, все мои звезды, каждое сражение, каждый удар, каждый боевой клич.

Слушая этот шторм, Бета сияет, и я понимаю, какой она была в битве.

— Мы последние дети войны, — говорю я. — Война — наш единственный путь. Все меняется, но мы не сможем жить по-другому.

— Мой путь остался прежним. — В глазах Беты отражаются солнце, победа и сила. — И я иду с тобой.

6

Мы пришли сюда на закате.

Позади остались холмы, ковыль и вереск, и перед нами лежала равнина, поросшая высокой травой. Ветер здесь шептал сладко, говорил о весне: трава была совсем юной, хоть и доставала мне до пояса. Стоило коснуться стеблей — и ладони пятнал свежий сок, в вечернем свете он казался золотистым, как вино. Я не удержалась, слизнула капли. Вкус был странным, незнакомым и диким.

Я не заметила, как мы вышли на дорогу. Трава уже поглотила ее, за несколько дней разрушила путь, по которому враги ездили веками. Лишь кое-где остались нетронутые участки, верстовые столбы и дорожные камни.

И домик врагов. Он притаился возле исчезнувшего тракта, бесцветный и словно ненастоящий. Наверное, и до войны в нем жили лишь изредка — внутри он оказался таким же тусклым, как и снаружи. Простой стол без скатерти, оловянные тарелки, как в казарме, ни безделушек, ни занавесок, ни коврика у двери. Но во дворе был колодец, а на полке над очагом — корзина с орехами.

Солнце уже зашло, и мы решили остаться в этом доме.

Я нашла на полке светильник — не газовый фонарь, а старинную деревенскую лампу. Из нее пахло прогорклым маслом, сквозь закопченное стекло виднелся огрызок фитиля. Мельтиар протянул руку, темнота на миг завихрилась на его пальцах, и лампа зажглась. Огонек дрожал и чадил, но не гас. Отблески отражались в мутном стекле.

Мне почудилось — снаружи кто-то есть. По бескрайним лугам бродят опасные тени, подкрадываются, заглядывают в окна, ждут, пока мы уснем.

Как мне могла прийти в голову такая глупость? Я не должна бояться, да и некого. Мы уничтожили и прогнали всех врагов.

Может быть, я хотела, чтобы в мире еще оставалась опасность, чтобы мне было с кем сражаться, доказывать на деле, что мой путь остался прежним.

Но ведь он и правда остался прежним! Я воин, предвестник Мельтиара, и это никогда не изменится, никогда, никогда.

Я прикоснулась к бликам на стекле и сказала первое, что пришло в голову:

— Похоже на зеркала пророков.

— Ты у них часто бывала? — спросил Мельтиар. Он стоял рядом, смотрел в окно вместе со мной.

Я покачала головой. Младшим звездам не так-то просто взобраться на этаж прорицателей. Нужно просить помощи у крылатых воинов: чтобы они подняли нас, взмыли вверх по шахте колодца и приземлились на скальном выступе у входа в пещеры.

— Почти и не бывала, — ответила я. — Только незадолго до войны. Пророки сказали мне смотреть в зеркало, но ничего важного не показали. Там все текло, менялось, а потом появилась лодка. Представляешь? Как у врагов, только

черная и с тремя мачтами. Мы потом сражались на побережье, но лодок там уже почти не осталось. И что может значить такое пророчество?

Мельтиар молча обнял меня. Наши отражения качнулись в стекле.

«Я думал, меня убьют на войне», — так он сказал. Может быть, ему это предсказали?

— А ты? — тихо спросила я. — Что ты видел в зеркалах?

Мне показалось, он не ответит — таким долгим было молчание, таким тяжелым и темным.

Но он заговорил:

— Я с детства вижу сон. Как будто стою на берегу, играю на флейте. На море буря, и сквозь нее идут корабли врагов. Их много, не сосчитать. И я хочу уничтожить их. Знаю, что должен.

Как наяву я увидела это: бурлящее, неукротимое море, рваные облака под шквальным ветром и армаду кораблей, все ближе, ближе, ближе. А на скалах — одинокая фигура и отчаянно поет флейта.

— Я спрашивал у пророков, — продолжал Мельтиар, — о чем этот сон? Они сказали: «Это воспоминания о прошлой жизни». Память о времени завоевания.

Неужели он и правда был там один? В том времени, в тех снах? Но все это в прошлом, мы победили, наш мир свободен. Но ведь после победы Мельтиара судили, и когда я нашла его, рядом с ним никого не было.

Я хотела сказать хоть что-нибудь, но не смогла. Лишь прижалась к его плечу, обняла крепче.

Это была наша третья ночь вместе. И в этот раз, как и прежде, пробуждение показалось мне частью сна.

Наше дыхание смешалось, я не могла различить, где начинается мой вдох, чьи удары сердца я слышу. Воздух во-

круг нас был жарким, как летний полдень, лишь издали доносилась прохлада, словно явь пыталась проникнуть в сон.

— Просыпайся. — Голос коснулся моих губ, оставил горячий след. — Нам пора.

Я послушалась. И чтобы вернуть мыслям ясность, вынырнуть из снов, сказала себе: это на самом деле, мы далеко от города, в пути, Мельтиар со мной, я люблю его.

Эти слова вспыхнули так ярко, что я задохнулась и открыла глаза.

Мир на миг потемнел: Мельтиар заслонил его, наклонился, поцеловал меня снова, а потом поднялся, отошел. Я сделала глубокий вдох. Воздух теперь стал обычным — холодным, ночным. Утро еще не наступило, почему же нам пора уходить?

Мельтиар застегивал рубашку, глядя в окно.

— Волна преображения, — сказал он, не оборачиваясь. — Слышишь, как она движется?

Я невольно прислушалась, хотя знала, что не различу прикосновение магии. Только ночную прохладу, сладкий аромат, сплетение незнакомых ветров.

Для Мельтиара магия — как дыхание. Наверное, ему легко забыть, что есть те, кто не способен к ней. Такие, как я.

— Нам пора, — повторил Мельтиар и протянул мне руку. Комната была крохотной, мне хватило шага, чтобы оказаться рядом. Наши ладони сомкнулись. — Уйдем, пока никого нет.

Я умела запоминать направление, выбирать ориентиры, двигаться к цели. Этому учат каждого воина. Но сейчас мы шли, раздвигая высокие стебли, и я не могла понять, в какой стороне остались домик и следы дороги. Равнина

колыхалась вокруг нас, отблески звезд серебрили листья. Воздух дрожал от песни сверчков, ей вторила одинокая птица — выкликала кого-то.

Я взглянула на Мельтиара. Он шел рядом уверенно, не торопясь, словно путь ему был знаком. Но то и дело скидывал голову, смотрел наверх.

Звезды. Самый верный ориентир, самые точные знаки.

Даже дома, в комнате учеников, я находила на карте лишь основные вехи небесного пути. И теперь, среди ветра и незнакомых запахов, едва сумела различить знакомые знаки среди сияющей россыпи. Небесная река текла надо мной, звезды мерцали и переливались — тысячи тысяч, у каждой свое имя и голос. Я отыскала серп, звезду в его рукояти. Свет, который не дает ночным путникам сбиться с дороги. Звезда севера, Арца.

Запахи травы и предрассветной земли дурманили, но летнее острие уже опускалось к горизонту, указывало вниз. Оно словно напоминало: пришла осень, не забывай, не забывай. Лето позади, но еще видны три его самые яркие звезды, и одну из них зовут Амира.

Не отрывая взгляда от неба, я коснулась руки Мельтиара. Печаль, перевитая острыми нитями боли, кольнула ладонь. Ночь показалась темнее, а свет Амиры над волнами травы — нестерпимо ярким.

Всего несколько дней назад предательство обрушилось на город и Амира погибла. Погасла одна из самых близких звезд Мельтиара.

Я хотела помочь прикосновением или словом, но Мельтиар взял меня за плечо, повлек вперед.

— Не останавливайся, — велел он. — Нам нужно идти.

Несколько шагов мы молчали — я слушала, как его чувства бьются в тисках воли, — а потом Мельтиар проговорил:

— Расскажи о себе. Кто в твоей команде?

Я зажмурилась от нахлынувших воспоминаний и попыталась подобрать слова для ответа.

* * *

Мы выросли, зная, что будем скрытыми, готовились к этому всю жизнь. Учили язык врагов, их привычки, малейшие обычаи и правила. Враги должны были видеть в нас своих сородичей, доверять и ни в чем не подозревать.

Когда мы отправились в Эджаль, вражеский город, где нам предстояло жить до начала войны, я радовалась и боялась одновременно. Но все шло как надо, мы удачно внедрились, враги не распознали нас. Начались дни скрытой жизни, и радость превратилась в ожидание победы, томительное и жгучее, а страх опустился холодной пылью на дно души.

Я пыталась, но не могла перестать тосковать по городу, по тому времени, когда наша команда была неразлучна. Теперь мы виделись лишь изредка, а в остальное время делали вид, что почти не знакомы.

Я всегда немного завидовала людям с длинными красивыми именами. Но в Эджале короткие имена оказались кстати: нам не пришлось их менять. Никто не понял, что это слова чужого языка, небесные знаки. Враги знали, что среди них живет темный народ, но были так беспечны, не могли распознать ни одного человека.

Коул, единственный маг нашей команды, работал в оружейной королевского гарнизона. Он ругался на королевских солдат: «Не следишь за ружьем, а если война завтра?» — и целыми днями работал в мастерской. В гарнизоне его не любили, но никто не заподозрил, что он истачивает снаряжение разрушительной силой, обращает ружья против тех, кто владеет ими.

Иногда мне удавалось найти предлог, чтобы забежать в мастерскую. Если рядом не было врагов, Коул молча сжимал мою руку, и мне было проще прожить остаток дня.

Кори не числился в армии, но работал в лаборатории при гарнизоне. Туда не любили пускать посторонних, а тем более женщин. И без того про Кори сплетничали в Эджале: в него влюбилась дочка богачей, писала ему стихи, и уже шли разговоры о свадьбе. «Хороший мальчик, но ведь ни гроша за душой, как только ее родители согласились?» — такие пересуды я слышала. Когда нашей команде удавалось встретиться вдаль от чужих глаз, мы смеялись: «Главное, чтобы война началась вовремя, а то и правда придется Кори жениться!»

Иногда Кори приходил в башню, где я служила. При врагах он был серьезен и сдержан, даже свои непокорные рыжие волосы заплетал в тугую косу. Перебрасывался со мной парой слов, и становилось легче дышать.

Я считалась ополченцем, а работала помощницей начальника гарнизона. Через меня проходили все военные новости Эджала, ведь именно я сидела за наборной доской и под диктовку командира складывала резные символы и отпечатывала послания. Но новостей было так мало, что меня чаще отправляли с письмами на соседний военный пост.

Там я познакомилась с Нори.

Нори стал отличным прикрытием. Он был милым и не особо умным, жил не в самом Эджале, а на посту возле газовой вышки. Переехать ко мне он не мог, и я к нему тоже, поэтому мы лишь встречались время от времени. Зато в гарнизоне все знали, что я не одинока, — у меня появился повод отвергать ухаживания. Не стоило с кем-то сближаться в самом Эджале: у меня был отдельный домик,

в который я не хотела впускать врагов. Ведь там обычно собиралась наша команда.

Мы назначали встречу, когда кто-то возвращался из города, приносил письма и последние новости о доме. Сидели за столом, говорили на родном языке и пили, а за окном была ночная тишина Эджалья — пыльная и душная летом, холодная и ветреная зимой.

Мы сидели так и перед самой войной. Считанные дни оставались до звука флейты, до призыва, и я сгорала от нетерпения и жажды битвы.

* * *

— В моей команде были Коул и Кори, — сказала я и взглянула на Мельтиара. Отблески звезд мерцали в его волосах, рассвет все не шел. — Мы были скрытыми в Эджале.

— О, Эджаль. — Мельтиар крепче сжал мою руку. Я чувствовала, что он улыбается. — Эджаль был очищен идеально. Красиво и быстро.

Тепло, звон счастья, гордость — почти нестерпимые чувства — переполнили душу. Я хотела обернуться, дотронуться до Коула и Кори, сказать им: «Вы слышали?! Мельтиар похвалил нас!»

Но кругом был лишь шепот травы, бескрайняя равнина под звездным небом.

ЛЕГЕНДА О ЗАБЫТОМ ВРЕМЕНИ

До завоевания мир был иным.

Как и теперь, порой облака скрывали звезды, заслоняли небесную реку. Но звезды, жившие на земле, сияли ясно — днем и ночью. В любое время года — и когда листья распускались, и когда желтели и опадали — звездный свет сиял по всему миру, песни звучали и не смолкали.

Люди не прятались в пещерах, под защитой запечатанных скал, и не теснились в душных городах, подобно врагам. По всей земле были разбросаны селения, наполненные светом, ведь в сердце каждой деревни сиял звездный источник.

Душа мира поднималась из глубин земли, мерцала в водах рек, звенела в струях водопада, наполняла светом камни.

Люди собирались вокруг источников, пили свет и делились им друг с другом. Песни сплетались с голосами звездных потоков, с волшебством мира. И источники сияли все ярче, песни звучали все чище.

Мир не знал тогда опасности и оков. Многое свершалось в видениях и наяву, но сохранилось лишь в легендах. Многие песни теперь утеряны, знания исчезли. Свет источников померк, скрылся в недрах мира.

Те дни стали забытым временем, и виной тому враги.

В поисках нового дома захватчики причалили к звездным берегам и обрушили на них свою ненависть. Потому что больше всего на свете ненавидели волшебство, поющую душу мира. Звезды гибли от их оружия, но этого врагам было мало.

Стремясь избавиться от волшебства, враги выжигали землю. Ядовитым пеплом и раскаленным железом клеймили мир, он бился в агонии. Но не умер — лишь уснул тяжелым сном, и свет померк.

Но Первый источник, самый могущественный и древний, продолжал сиять. Он был скрыт сводами гор, черным камнем, лабиринтом пещер. Враги не нашли его.

Там же, в пещерах, спрятались последние выжившие звезды.

Они поклялись освободить мир, пусть даже на это уйдет тысяча лет. Но поняли: недостаточно уничтожить врагов — нужно вернуть земле силу.

И год за годом, сотню за сотней лет искали новые песни, волшебство, способное исцелить раны мира, превратить тлеющую боль в живительный свет.

Так появились предвестники преображения.

Я привык слышать стук ее сердца сквозь сон. Привык, просыпаясь, различать ее дыхание, ловить эхо чувств. Ее кожа всегда прохладная, а мысли — теплые. Ее душа сияет светом весны, может растопить лед, прогнать стужу — и зима отступает из моего сердца, чувства становятся пронзительными и яркими.

Каждое утро я просыпаюсь раньше Беты. Не выпуская ее из объятий, смотрю наверх, ищу звезды. Иногда знакомый узор сияет надо мной, иногда тонет в приливе рассвета. Порой небо скрыто облаками или дощатым потолком чужого дома.

Сегодня опоры нашего жилища — стволы деревьев. Их ветви — стропила, шелестящая листва — кровля. Под нами колючее шерстяное одеяло, и сквозь него я ощущаю холод земли: жизнь бурлит в ней, но уже предчувствует зимние морозы, готовится уснуть. Темнота струится вокруг меня и Беты, льнет к корням деревьев, но не опалает их. Темнота не дает нам замерзнуть. Бета спит и не помнит о том, что скоро зима.

Мы в пути уже много дней. «Как будто сон», — сказала Бета. Но может ли сон быть таким пронзительным и дол-

гим? Мне кажется, я помню каждый шаг, пройденный нами на пути от гор. Вереск и дальний шум волн. Острые листья травы, режущие, как лезвие, — боли нет, но капли крови стекают по рукам. Луга, поросшие диким ячменем, — колосья спелые, вьюнок обвивает их, голубые цветы сияют среди увядающей зелени, я срываю их, проходя мимо.

Не сон и не явь — преображение. И мы с Бетой идем сквозь него, день за днем.

И с каждым шагом, с каждым часом я все ясней понимаю — это навсегда. Те, кому я служу, — не зовут меня. И те, что подчинялись мне, — молчат. Приговор в силе, и, наверное, всегда будет так. Моя судьба теперь — блуждать вдаль ото всех и смотреть, как меняется мир.

Когда понимание захлестывает, я не могу удержать свои чувства, они горят. И каждый раз, услышав их, Бета говорит: «Я никуда не уйду без тебя».

Сейчас она спит, а я пытаюсь разглядеть звезды сквозь колыхание темной листвы.

Этот лес юный, ему меньше недели. Но деревья уже высокие, тянутся ветвями в поднебесье, стволы толстые, кора успела огрубеть, растрескаться. Эти деревья еще не знали ни весны, ни лета, им только предстоит пережить зиму — но я уверен: если срубить огромный ствол, увидишь годовые кольца и насчитаешь их сотни.

Леса, погибшие шестьсот лет назад, возвращаются к нам. В каждом дереве, как в хрустальном шаре, заключено время нашего изгнания, время горечи и тайн. Война промчалась по земле, сожгла врагов, дала силы преображению — и вот вокруг меня лес, ветви качаются над головой, листва заслоняет звезды.

Но мои звезды ничто не скроет. В предрассветный час среди лесного шепота и безмолвия души я не могу не ду-

мать о них. Они сияют, тревожные и горячие, они повсюду. Звездный ветер течет, связуя их воедино, сила струится — от меня и ко мне. Я пытаюсь остановиться, погасить внутренний взор, но не могу.

Я вижу свет Арцы — мятущийся и яркий — но она молчит. Сумел бы я сдержаться и не ответить, если бы ее голос раздался в моей душе? Я осужден и должен помнить об этом каждый миг своей жизни.

Сияние Рэгиля такое глубокое, такое красивое, мне больно смотреть на него. Он в городе, скитается среди видений и целительных чар. Я должен быть рядом с ним, чувствую это так ясно. Но мне нельзя приближаться к нему.

Сколько бы ни блуждал внутренний взор по моему небу — Амиры нет. Звездный ветер пронизывает меня, когда я тянусь к ней мыслью. Тишина и память.

Из-за меня Амира погасла. Умерла, потому что меня не было рядом. Потому что я не предвидел, на что способен Лаэнар, и не взял его в плен, не убил. Я не погиб на войне, но не спас свою звезду, такую близкую, яркую. Как после этого я могу оспорить справедливость приговора?

Амира погасла, но Лаэнар сверкает ослепительно, как прежде. Его сияние меняется — багровое, синее, раскаленно-белое. Он предал нас, так почему я все еще считаю его своим? Да, предал, но ничего не изменилось. Свет мчится от него ко мне, потоки силы возвращаются от меня к нему — через бесконечное расстояние, через земли и море.

Он всю жизнь принадлежал мне, я знаю его так хорошо. Почему же я не догадался, что он сделает?

Но даже пророки не предвидели этого. Ни в зеркалах, ни в снах, ни в видениях среди голубого дыма, нигде не яв-

лялось такое будущее. «Я не знал, — сказал мне Эркинар в тот день. — Прости меня, я не знал».

Я не могу злиться на пророков за то, в чем виноват сам.

Но есть то, в чем они виновны передо мной. Они молчали о моем будущем — но знали его, теперь я уверен в этом.

* * *

Сколько я себя помню, Эркинар был моим лучшим другом. Среди восемнадцати великих звезд он ближе всех мне по возрасту — всего на три года старше, и в детстве я почти все свободное время проводил в чертогах прорицателей. Эркинар уводил меня в сны, мы странствовали там подолгу: темнота дорогой текла вперед, мы шли по ней из сна в сон. Миры, невероятные и яркие, наполненные голосами и светом, люди, непохожие на знакомых нам, чужая земля и чужие небеса — все это я видел в белых снах и со временем научился сам находить путь, мне уже не нужен был проводник. Но ни один, ни с Эркинаром, ни с другими пророками — я никогда не видел снов о своем будущем.

Чем старше я становился, тем больше появлялось дел. Каждое мгновение было на счету, война приближалась. Но я по-прежнему приходил к пророкам, стоял у зеркал, погружался в сны — сквозь туман видений смотрел на города и гарнизоны врагов. Прорицатели показывали будущее, его потоки ветвились — наблюдая их, я выстраивал стратегию грядущей войны, шаг за шагом.

Ни в одном из потоков будущего я не видел себя. Лишь изредка — отблеск темноты в разгар битвы, эхо разрушительной силы. Я спрашивал об этом Эркинара, и сперва он не отвечал, но в конце концов сказал: «Пойми. Я не могу тебе помочь». Он сжимал мою руку, когда говорил это, и было ясно — ему жаль меня, но он ничего не объяснит.

Но меня не нужно жалеть.

Я чувствовал — не только Эркинар, многие пророки знают что-то и скрывают от меня. Я не спрашивал больше, но одна из белых звезд проговорила.

Айянира, ближайшая звезда Эркинара. Строгая и от-
решенная, обжигающая, как лед, она менялась, когда мы
оставались наедине. Острые грани таяли, исчезали из ее
души, слова и прикосновения теряли сдержанность. Я рас-
плетал ее волосы, и серебряные цепочки путались в паль-
цах, со звоном падали на пол. Я пытался разглядеть, что
таится в глубине ее темных глаз, но проваливался в сон
страсти, ни о чем не мог думать, пока не выныривал
из него.

Однажды, когда воздух вокруг нас еще дрожал и пылал,
не желая остывать, Айянира замерла. Застыла в моих ру-
ках, стала на миг неотличима от теней, что бродят в глу-
бине зеркал. А потом сказала: «Твоя четверка... не при-
вязывайся к ним так сильно. После войны их не будет
рядом».

Она не захотела ничего объяснять и не разговаривала
со мной несколько дней. Но я решил, что понял ее посла-
ние. Весть о том, что меня убьют на войне.

Но я жив, вот мое будущее. Почему же пророки молча-
ли о нем?

* * *

Небо светлеет.

Я вижу его сквозь полог ветвей, колышущийся узор ли-
стьев. Сумеречный свет и тени скользят по лицу Беты.
Я касаюсь ее щеки — Бета улыбается в полусне. Ее ресницы
дрожат, она обнимает мою ладонь и говорит, не открывая
глаз:

— Такой странный сон... Как я попала без пророков в белый сон?

— Расскажи. — Я касаюсь ее губ. Дорога и ночной холод обветрили их, и я целую ее снова, отдаю глоток целительной силы.

— Незнакомые люди. — Голос Беты звучит еле слышно, я почти вижу то, о чем она говорит. — Мы были в странном доме. И я все время знала, что это сон. Так странно... раньше только с пророками была в белом сне.

— Эта греза — место, где все встречаются, — объясняю я. — Там можно увидеть кого угодно, и туда легко найти дорогу. Мы можем встретиться там с тобой. Чтобы не различаться и во сне.

— Сейчас я уже не засну, — смеется Бета.

Я смеюсь вместе с ней.

8

— Мне начинает казаться, — сказал Мельтиар, — что эти дома оставляют специально. Для нас.

Вокруг звучали голоса леса. Они уже стали привычными, но очаровывали, как и в первый день: тихий, неумолчный шелест листвы, пение птиц, шорохи в подлеске. Среди зелени вспыхивали солнечные искры, земля пружинила, отвечала на каждый шаг, а в воздухе плыли тысячи запахов, глубоких и чистых. Все это было таким незнакомым и таким правильным, каждый вдох говорил: вот каким должен быть мир.

Я огляделась, пытаюсь найти следы исчезнувшей деревни. Но повсюду высился лес, ветви сплетались, солнечные лучи золотили стволы. Как же здесь сохранился одинокий дом? Деревья обступили его, склонились над крышей; мох скрыл одну из стен, вьюнок оплел крыльцо. Обычное деревенское жилище — возле Эджая я видела немало таких — теперь казалось тусклым и серым, в нем не было жизни, пропитавшей все вокруг.

— Наверное, — сказала я. — Иначе бы давно разрушился.